

Будем же твердо уверены в возрождении России. И доведем себя до очевидности в вопросе о необходимости для России национального духовного характера. И тогда все сложится само собою.

Знаем мы, что русскому человеку в массе нелегко дается сила характера. Но если характер дался и удался русскому человеку, то крепости его искони дивились другие народы.

Читайте историю России и убеждайтесь, что вся она создана силою русского духовного характера. От Феодосия Печерского до Сергия, Гермогена и Серафима Саровского; от Мономаха до Петра Великого, и до Суворова, Столыпина и Врангеля; от Ломоносова до Менделеева — вся история России есть победа русского духовного характера над трудностями, соблазнами, опасностями и врагами.

Так было. Так и еще лучше будет и впредь. В России зазяла бездна безбожия и жадности, бесчестия и порока. Россия отзовется на это и уже отзывается зарождением рыцарства. И Господь подаст нам и умудрения, и силы, и горения, и воли.

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

I. ВВЕДЕНИЕ.

Основы государственного устройства будущей России, излагаемые в дальнейшем, даны нам в трагическом опыте нашего времени. За ними долгие годы русского и общечеловеческого государственного кризиса и размышлений над ним. К сожалению, этого совершенно недостаточно для начертания хотя бы примерной конституции, ибо отсутствуют конкретные данные — пространства, времени, размера государства, состояния народного правосознания, политических, социальных, экономических и международных условий. Конституция явилась бы выводом из двух посылок: первая — принципиальные основы, вторая — конкретные данные; вывод — консти-

туция. При отсутствии второй посылки вывод невозможен. К тому же я ограничиваюсь тезированием первоначальных посылок, т. е. принципиальных основ.

Однако в отличие от дореволюционной русской общественной мысли, считавшейся с одними отвлеченными идеалами, наше поколение должно мыслить реалистически и исторически, для того чтобы не впасть в мечтательно-отвлеченные, нежизненные конструкции наподобие идеалов к. д. партии (сравн. брош. Ф. Ф. Кокошкина «Республика», 1917 г.)¹. Мыслить реалистически значит исходить от учета русской исторической, национальной, державной и психологической данности в том виде, как она унаследована и поскольку она может быть ныне в общих чертах нами учтена. Поэтому излагаемые ниже «Основы» имеют в виду не только общие принципы права и государства, но основы *русского права и русского государства* в частности.

Мы должны исходить от того, что все государственные конструкции, идеи и лозунги за последние 20 лет омертвели, выветрились или исказились. Все подлежит пересмотру, новому рассмотрению, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права республики, монархии и т. д. понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от национальной души и национальной проблематики. Считалось, а в Европе часто и ныне считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы; что народоправство есть аксиома для всякого порядочного человека; что избрание всегда выше назначения; что монарх всегда хуже республики и т. д. Исходить из этого мы можем, как не можем исходить из бесспорности обретенных положений. Мы обязаны быть эмпириками, эмпириками духовно-правового опыта и эмпириками исторической политической данности. Мы должны пересмотреть государственные идеалы предреволюционной интеллигенции и отбросить все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, отвлеченно-сверхнациональный, массово-утилитарный и интеллигентно-демагогический.

Перед нами не идеал мечты или доктрины, а *конкретная задача воссоздания России*; не формальное, а живое, органически-историческое, русско-наследственное понимание Государства. Нам нельзя гоняться за чужими сверхнационально-отвлеченными формами жизни. Мы не имеем права строить государство на схеме классового интереса и классовой борьбы. Мы не можем исходить от избирательно-демагогических посулов.

Мы должны выговорить ныне основы русского национально-государственного бытия, не предвосхищая тех путей, на которых они *будут проводиться в жизнь*. Мы должны высказать то, без чего, по нашему мнению, Россию нельзя построить и России — не быть.¹ Политика будет это по-своему осуществлять; а история будет нас судить за наши воззрения. И мы должны им это предоставить.

Нет и не может быть единой государственной формы, столь совершенной, что она оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически-зжидательное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа, не знающая Россию, не имеет ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы: ни «демократические», ни «фашистские». Россия не спасется никакими новыми видами западничества. Все политические формы и средства человечества должны быть нам известны и доступны. Но творческая комбинация из них и из других, еще не известных, должна быть избрана и создана самою Россией, должна быть подсказана ее собственной проблематикой, помимо всяких доктрин и предрассудков. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с Запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не интерес русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации. Придется или не придется России считаться с таким давлением — это вопрос будущей истории. Но *искать и хотеть* мы должны своего, русского, независимо от этих эвентуальных² давлений, преулавливать которые нам отнюдь не подобает.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

1. С исторически данной Россией, ее целями и интересами.

2. С верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, возвращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живой и верной функцией русской истории и этих христианских бесспорных аксиом, воплощая эти аксиомы не в меру утопического максимализма, но в меру исторической вместимости их ныне в живую ткань русской народной жизни.

Я не могу дать здесь систематический обзор будущего русского государственного устройства. Могу наметить лишь некоторые общие идеи для тех, кто возьмется за этот великий труд. По целому ряду вопросов я не вношу никаких предложений (напр., о Сенате, о Государственном Совете, о второй палате, о делении и составе министерств) уже в силу одного того, что я говорю не о конституции, а о ее основных предпосылках, внося конкретные предложения только ограниченного и примерного характера.

2. ИСХОДНЫЙ ПУНКТ

Первое, что мы должны совершить, — это извлечь идею государства и политики из той *предреволюционной пошлости* и из той *революционной* грязи, в которую эти идеи незаметно совлеклись в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

1. Политика не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана, расчетливой интриги и массовой «наводки», честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса. Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник становится разбойником или вымогателем, а авантюрист или разбойник становится чиновником, то государство идет к гибели. Политика имеет совсем иные задания, совсем иной жизненный стержень, а именно: *властно внушаемая солидаризация народа*, *авторитетное воспитание автономного правосознания*; *созидание национального будущего* через эксплуата-

цию национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Только на этом стержне и только в меру реальной необходимости допустимы и не гибельны все хитрости, все меры прямого насилия и все нравственные компромиссы обыденной политики. Эту меру необходимости народ чувствует и прощает мудрому политику многое во имя основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать; от них нельзя и зарекаться. Но именно поэтому политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.

Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, но человека с *религиозно и нравственно сильным характером*. Она требует высокой — волевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле слова *аристократическая* природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия мыслится не по рождению и не по сословию, а *по качеству лица и воспитания*. Нельзя считать желательным и допустимым выдвижение политического прохвоста только потому, что он сумел стать угодным массе.

2. Демократия не есть самоценность и не обеспечивает сама по себе ни целостности государства, ни прочности правопорядка, ни социальной справедливости, ни национального духовного расцвета. Демократия есть формальный механизм вовлечения масс в отправление власти. Это имеет свои дурные последствия и свои великие опасности. Демократия на Западе спасается именно своими противодемократическими упорами и коррективами (в душевном укладе, напр., английский традиционализм и консерватизм; и в государственной машине, напр., французский бюрократизм и правление префектов). Всякая демократия есть или средство для отбора и обновления качественного слоя политиков, или же, если она этой задачи не разрешает, она есть начало распыления, беспочвенного карьеризма и беспредметного честолю-

бия, начало распада и гибели. На самом деле всегда правит не большинство, а меньшинство. Вся задача в том, чтобы это меньшинство выделялось верно и обеспеченно. Демократия же всегда останется стабилизацией государственного распада.

Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. *Буржуазная особь* подорвана у нас революцией; мы получим в наследство *пролетаризованную особь*, измученную, ожесточенную и деморализованную. При таком положении дел строить государственную форму на изволении массы — значит готовить *правление черни, цезаризм и бесконечные гражданские войны с финансированием их из-за границы*. Россия или создаст волевой, государственно-предметный отбор людей, или же пойдет по стопам Китая.

3. Россия жила и созидалась доселе своим могучим и здоровым государственным *инстинктом*. Революция свидетельствует о том, что инстинкт этот ослаб, замутился и поколебался. Революция же и восстанавливает его, пробуждая и укрепляя его своим отрицательным опытом.

Наша задача в том, чтобы преобразить этот восстанавливающийся инстинкт религиозным углублением и воспитанием на его основе крепкого, аффективно-укорененного, волевого *правосознания*.

При этом мы должны жизненно исходить, во-первых, от столь обострившейся во время революции потребности *в порядке*. Порядок же есть строгое блюде-ние субъективного правового статуса (своего и чужого), взаимность этого блюдения, равновесие личных правовых ячеек, социальный мир и справедливость. Итак, в основе всего — христиански утвержденная и чтимая личность и ее права.

Во-вторых, мы должны исходить от всенародной потребности в сильной власти и в подчинении ей.

В-третьих, от биологической индивидуализации, обострившейся вследствие революции. Эта индивидуализация ограбленной, измученной, протестующей и домогающейся правового и имущественного восстановления особи должна быть постепенно оформлена чувством собственного достоинства, волевой дисциплиной, потребностью во взаимном уважении и доверии. Все это

можно описать как волевою культуру христианского правосознания.

4. Государство тем прочнее, чем более оно приближается по духу к *братской корпорации*, а по форме — к *отеческому учреждению*.

Корпорация означает самоуправление; участие обслуживаемого гражданина в обслуживающей власти.

Учреждение означает опеку; обслуживаемый гражданин не участвует своим изволением во властном ведении дела.

Участие и соучастие гражданина в строительстве государства драгоценно, жизненно, необходимо. Но это участие не должно колебать и разлагать единство, авторитет и силу власти. Государство всегда останется учреждением и никогда не превратится в корпорацию; но оно должно насытить формы учреждения духом корпорации. Гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, но не посредством формального голосования и не под условием его. Общественный договор должен стать живой, всепокрывающей, молчаливой и непоколебимой *презумпцией* правосознания, а не внешней задачей всенародного сговора при помощи арифметического подсчета голосов.

Задание России и ее нового государственного устройства состоит в том, чтобы найти именно такую форму, при которой *дух братской корпорации насытил бы форму отеческого учреждения* при обеспеченном и непрерывном отборе качественно лучших к власти. Это учреждение должно быть несомно тем корпоративным духом, который оно само насаждает, оставаясь, однако, учреждением.

5. Мы не можем мыслить государство по трафарету западных демократий как общение³ интереса и *равновесие конкурирующих классов*. Мы мыслим его как *общение братского служения, как единение веры, чести и жертвенности*. Такова древняя традиция русской государственности еще от эпохи татарского ига; традиция, внушенная нам православием и закрепленная пространством и суровым климатом. Россия выходила из всех своих исторических бед именно силой этой традиции; и сокрушалась внутренне и внешне, как только теряла ее и выхо-

дила из нее. Итальянский фашизм, выдвигая идеи «солдате» и «сакрифично»⁴ как основные гражданственные идеи, выговорил по-своему, по-римски то, чем искони стояла и строилась Русь: идею Мономаха и Сергия Радонежского, идею русского миссионерства и русской колонизации, идею Минина и Пожарского, идею закрепощения сословий, идею Петра Великого и Суворова, идею русской армии и белого движения.

Государство не есть механизм состязающихся корыстей, но организм братского служения, единение веры, чести и жертвенности; такова историко-политическая основа России. Россия стала отходить от нее и сокрушилась. Россия вернется к ней опять. Фашизм не дает нам новой идеи, но лишь новые попытки по-своему осуществить эту христианскую, русскую, национальную идею применительно к своим условиям.

Именно этой идеей определяется наше отношение к идее справедливости.

Идею социальной справедливости мы как христиане ценим очень высоко. Но утверждаем, что она требует не равенства, а предметного индивидуализированного неравенства неравных людей. Чем больше в общественной жизни социальной справедливости и чем глубже в душах людей уверенность, что *все* или по крайней мере *все властвующие* искренно хотят и ищут ее, тем совершеннее строй, тем прочнее государство. Но если оказывается, что бытие народа и отечества требует или потребует известной меры *несправедливости*, то эта несправедливость должна быть принята, понесена и покрыта духом *жертвенности*.

Таков исходный пункт наших соображений о будущем государственном устройстве России.

3. ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВА

Итак, будущее русское государство предносится нам как форма порядка и жизни не просто авторитетно предписанная, но *принятая живым правосознанием возможно большего числа русских граждан*. В этом мы, в противоположность формальной культуре права, свойственной Западу, верны завету христианства, связующего все с

внутренней жизнью духа и выращивающего все из этой внутренней жизни.

Государственная форма — и устройство, и управление, и законодательство — авторитетна и гетерономна⁵. Но этот авторитет жизнен и силен только тогда и именно тогда, когда он принят гражданами, народом в порядке внутренне-добровольного признания, уважения, доверия, самовменения. Это начало свободной лояльности, преданности за совесть, добровольного содействия, добросовестного соблюдения законов есть *крепчайший цемент государства, источник великой силы государства и власти*. На протяжении всей своей истории Россия гибла и распадалась, как только обнаруживался недостаток этого; она распадалась от «кривизны» и «воровства»; и спасалась именно свободной и жертвенной аккумуляцией прямых душ. Так будет и впредь. Посему то, что подрывает эту свободную лояльность, должно устраняться из государственной формы или обезвреживаться в государственной жизни; все то, что усиливает ее, должно утверждаться, укрепляться, культивироваться.

Русский человек отзывает свою свободную аккумуляцию от государственного авторитета и органов власти, если он считает властвующего иноземцем, иноверцем, безответственным, произволяющим самодуром, некомпетентным, своекорыстным, продажным, безвольным или трусом; возможно, что после революции к этому временно присоединится еще всякая партийность и даже интеллигентность. Революцию русский народ пережил как засилие чужого (инородцев и иноверцев), как прямое торжество безответственности, некомпетентности, произвола, своекорыстия, продажности, предательской трусости и партийности. Свободная лояльность установится тем легче, чем вернее народ почувствует *обратное течение* и *обратную стихию*. Это не значит, что инородцы и иноверцы должны быть лишены публичных прав, но это означает, что при назначении и при выборах с этим условием массового доверия придется считаться; таким гражданам придется ограничиться до поры до времени пределами месгно-национального и иноверчески-вероисповедного самоуправления.

Согласно этому, будущее устройство России должно удовлетворять следующим требованиям:

1. Диктатором, вождем или монархом не должно быть лицо непопулярное, или с недоброй репутацией, или иноземное, или иноверное, или бесчестное, или безвольное.

2. Формы государства не должны сильно напоминать ни дореволюционный строй, ни строй революции; во всяком случае, они должны своей исторической национальностью и новизною своею, хотя бы новизною *наименования*, будить надежды и доверие.

3. Все органы должны быть признаны ответственными. Если это будет монарх, то ответственность должна быть организована в пределах династической корпорации перед лицом династического совета.

4. Ответственность неверховных органов должна быть актуальной, убедительной, всеобще наглядной.

5. Автономия национальных областей в смысле культурном должна быть утверждена принципиально и проведена на деле.

6. Принципу самоуправления должно быть уделено место всюду, где это осуществимо без особого вреда; в особенности же в сфере бытговой, культурной, религиозной и благотворительной.

7. Принцип законности должен проводиться неукоснительно и наглядно.

8. Неправый произвол должен караться демонстративно.

9. Равенство перед законом должно нарушаться только в сторону явной справедливости.

10. Всякое подрывание авторитета или доброй репутации органов власти должно караться в уголовном порядке, быстрым процессом. Всякая нелояльная агитация также.

4. ПРОБЛЕМА СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Есть государственная аксиома, согласно которой власть есть *волевая* сила. Слабая власть — не власть, а самообман и обман. Власть не импонирующая — не власть. Власть социально бессильная — источник крушения.

ми) Все это тем вернее и тем важнее, чем больше объем и размер государства (территория и население). Чем сложнее состав государства (нации, исповедания, социальные классы), чем грандиознее его задачи.

Поэтому организующий в России слабую власть подрывает бытие русского государства и полагает начало распадению страны. *Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе.*

Однако сильная власть не есть тем самым ни бюрократическая, ни централизованная, ни военная, ни полицейски brutальная. Бесспорно: легче всего создать сильную власть как произвольную, бюрократическую, централизованную, воинскую, полицейски brutальную. Но именно эти соблазны, эти легчайшие пути могут и должны быть избегнуты.

России нужна власть сильная, но дифференцированная. Сильная, но выдержанно-правовая. Сильная, но не просто и не только бюрократическая. Сильная, но децентрализованная. Воински закрепленная, но лишь в виде последнего аргумента. Полицейски огражденная, но не преувеличивающая компетенцию полиции.

Первая основа этой силы — духовно-психическая: властвующему необходим волевой заряд; сознание своей силы; сознание своей правоты и призванности; отсутствие страха перед массой; наличность творческого, национально-идейного замысла.

Вторая основа — политико-дипломатическая: независимость власти от международного или оккупационного давления; независимость власти от каких бы то ни было временщиков, закулисных группировок, тайных пленений, «внутренних линий»⁶ и т. п.

Третья основа — верность волеуправления; оно должно ликвидировать уродства и бессмысленности коммунизма, снять все преграды, созданные коммунистической революцией, развязать творческую инициативу народа. Отсюда — всенародное признание, все возрастающее с течением времени.

Четвертая основа — это искусство импонировать, политический такт, описанный на стр. 20 — 21 «Спутника христианина-националиста»⁷.

Пятая основа — это наличность достаточного, верного и предметно действующего принудительного (полицейского, воинского и судебного) аппарата.

Наконец, шестой основой силы является формально-государственное строение власти.

Сильная власть должна быть *свободна от внутренних противопоставлений*: верховная власть не должна противостоять никаким неверховным органам — ни действительным (вроде «ответственного министерства», «парламента», «федерального совета», «государственного совета»), ни фиктивным (вроде «народного суверенитета»). Всякие такие противопоставления вредны, ибо подрывают силу власти.

Не может и не должно быть вообще двух или трех *первоисточников* власти. Власть принадлежит главе государства, возглавляющему (лично или через своего представителя) всякую коллегия — законодательную, исполнительную, судебную, воинскую. Главе государства должны принадлежать все права английской короны в их юридически установленном, хотя политически почти не осуществляемом объеме (Сидней Лоу, 219 — 221)⁸. Но в России эти права должны принадлежать главе государства *реально и эффективно*.

Согласно этому, верховную власть следует мыслить себе в будущей России не как подчиненную народу или законодательной палате, а как *самостоятельную правовую творческую реальность, пребывающую во главе государства*, возглавляющем весь строй государства.

Законодательная власть осуществляется им и теми органами, которые, согласно конституции, привлекаются им к этому делу. Так же обстоит и с другими властями — исполнительной и судебной.

Формально это явится «самодержавием», юридически присущим английской короне, — независимо от того, будет это самодержавие принадлежать вождю, диктатору, цезарю или наследственному легитимному монарху. Спасти Россию от внутреннего распада и внешнего расхищения сможет только такая власть, а потому она возникнет и создастся независимо от того, хотим мы этого или нет.

Но *дух и жизненный строй*, которые имеют насытить и наполнить собою эту диктаториальную форму, должны совместить в себе и осуществить все те черты, которые обычно восхваляются как якобы присущие демократии и которые в действительности сводятся к *творческой самодеятельности лучших народных сил, несущих лояльное и жертвенное служение государству*. России нужна не подавляющая диктатура, а пробуждающая, воспитывающая и вовлекающая. Не просвещенный абсолютизм, а полновластие лица, оформляющего подлинно аристократический всенародный отбор людей: *диктаториальная аристо-демократия* или *всенародно несомое единовластие*.

Это означает, что русское государство не следует представлять себе как «дуалистический» строй. Нужно не две силы — власть палаты или народа и власть правящего главы, а одна сила — власть правящего главы, ведущего народ, страну и все учреждения. Не должно быть никаких установлений, тяготящихся о власти; если они возникнут, то это будет началом распада.

Нужно единство: глава, ведущий палату, глава, ведущий правительство, глава, ведущий армию, глава, ведущий суд, глава, ведущий самоуправление (местное и национальное). Нужно *дифференцированное единство*, а не *кое-как склеиваемое и балансирующее множество*.

Для жизненного усиления главы государства как в смысле авторитета, так и в смысле верности волеуправления необходимо создать при нем особый, вне учреждений стоящий Совет Неприкосновенных или Совет Старейшин в составе 30 человек, который должен существовать и при диктатуре, и при монархии. Он должен пополняться посредством особого сочетания из назначения (от главы) и избрания (от палаты) так, чтобы каждый Старейшина был и назначен, и избран. Полномочия Старейшины пожизненны; сместить его нельзя. Он может или сам сложить свое звание, или подвергнуться единогласному исключению из Совета (в случае особой важности — душевное заболевание или свершение позорящего поступка). Совместительствовать Старейшина не может. Каждый Старейшина и весь Совет имеют право независимого суждения обо всем происходящем в государстве; право обращения к главе государства с совета-

ми, докладами, указаниями, ходатайствами и законопроектами (эти обращения печатаются в журнале Совета). В особенности же Совет имеет право ревизии всех учреждений и публичных дел во всем государстве; это право осуществляется отдельными Старейшинами или целыми комиссиями Совета по особому поручению последнего; о всяком таком поручении доводится до сведения главы государства.

Воплощая ту идею, которая лежала в основе ведомства Патриарха Филарета по искоренению неправды на Руси, такой Совет явится в то же время защитником обиженных, живым оком главы государства, источником законодательных идей и починов, всероссийским авторитетом правды и справедливости, школой администрации, и наконец, персональным кадром кандидатов на посты министров и наместников. Помимо этого он явится живой отдушиной для предметно-политического общественного мнения. Тем самым он не ослабит, а усилит власть, обеспечивая и укрепляя доверие народа к ней.

Далее, сильная власть экономит во времени, в пространстве, в энергии, в составе лиц и в структуре учреждений. Власть полномочная и ответственная должна присутствовать на местах. Но система центральных учреждений не должна воспроизводиться на местах (как при федеративном и сов. строе). План учреждений должен быть ясен, прост, не обременен дроблением полномочий; полномочие должно восприниматься как обязанность и должно быть неразрывно связанным с ответственностью.

Россия должна быть разделена на ряд наместничеств (приблизительно в размере губерний или небольших «областей»). Наместник представляет главу государства в пределах своего наместничества, но работает с более простой системой учреждений. Он создает при себе Совет наместничества совещательного характера, посредством назначения, выборов и кооптации. Вначале выборы происходят от органически уцелевших, сколько-нибудь здоровых единиц, или таких, которые могут быть объединены без труда ад хок⁹, разумеется, с отпадением всех, имевших когда-нибудь членский билет компартии. Уце-

девшими единицами будут приходы, школьные и университетские советы, рабочие союзы, остатки кооперативов; быстро объединятся советы домовладельцев в городах, советы врачей, судебные коллегии, представители размежевывающихся колхозов, союзы лиц с высшим образованием. Выборные съезжаются по местам, образуют коллегию, выбирают нескольких лиц в Совет наместника (трех); наместник может пополнить этот список назначением или совместно с избранными кооптацией; он может привлечь и других со стороны. Слагается Совет наместничества; между членами его разделяются функции управления. Совет действует как *единство, ведомое наместником*; орган един, ответственность едина. Аналогично создаются и низшие (окружные, т. е. уездные) органы управления.

Об органах самоуправления (городских и земских) будет сказано ниже в главе об отборе правящего меньшинства. Таким образом, может и должна быть обеспечена в общих чертах сила государственной власти в будущей России. Эта сила будет столь же внешней, сколько и внутренней, имея гарантии и в государственной форме, и в народной психологии, и в волеуправлении власти.

5. О СПОСОБАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРАВЯЩЕГО МЕНЬШИНСТВА

Судьба русского государства зависит от того, удастся русскому народу или не удастся найти способ выделения к власти лучшего меньшинства.

Вопреки всем демократическим предрассудкам всегда и всюду правит меньшинство. И если демократический строй может сулить какие-нибудь преимущества — то только два: выделение правительства в процессе *народной самодеятельности* и привлечение к правящему меньшинству *сочувствия и поддержки* со стороны выделившего его большинства. Этому противостоят существенные недостатки демократического режима, а именно: отвлечение масс от творческого строительства и вовлечение их в самодовлеющее политиканство; связанная с этим трата сил; общее голосование за пределами силы суждения; подмена публичных проблем частноправовыми вопросами и интересами; переоценка голосования как сред-

ства решения политических вопросов; подмена народа совокупностью данных избирателей и т. д.

Это означает, что надо *найти новые способы* выделения к власти лучшего меньшинства, в которых народная самодеятельность была бы использована в ее благороднейших возможностях и при которых свободная лояльность и волевая аккумуляция на выделенное меньшинство слагалась бы легко, свободно и прочно.

Для этого необходимо прежде всего *переместить в народном сознании центр тяжести* с политики на жизнь духа, на строительство жизни, хозяйства, культуры; на качество жизни, труда и продукта. Римляне знали поговорку: «эдимус ут вивамус, нон вивимус ут эдамус» — «еда служит жизни, а не жизнь служит еде». Люди живут, трудятся и зарабатывают хлеб совсем не для того, чтобы заниматься политикой и тешить свое честолюбие. Политика по самому существу своему требует от человека повышенной квалификации; совершенно вредно и бессмысленно вовлекать в нее всех. Она требует знаний, воли, организационных способностей, такта, опыта. Так обстоит везде и всегда; и даже в тех государствах, которые строятся по принципу личного и классового интереса, исходя из двух несостоятельных предположений: 1. будто государственный интерес есть сумма или равнодействующая всех личных или классовых интересов и 2. будто каждый человек лучше всего знает и понимает свой интерес вообще и политически-государственный интерес в особенности.

В политике нужны люди, доказавшие свою способность *мыслить от целого*, организовывать и править. Чтобы находить и воспитывать таких людей, политика должна быть уведена с улицы, от газетной, кулуарной, рыночной и митинговой черни. Политика должна быть облагорожена, ее уровень должен быть поднят. Здесь придется выдержать серьезную и острую борьбу и с домогательствами европейских демократов, и с претензиями своей послереволюционной черни, руководимой партийными демагогами, и с попытками русского черносотенства влить в новый, недемократический строй свое лично-карьерное тупое, злое, классовое содержание и

скомпрометировать этим весь новый поиск государственности. В этой борьбе государственно мыслящие и спасающие силы России должны победить; иначе Россию не спасти.

В политике нужны люди, доказавшие свою способность организовывать и править, *мькля от целого*. Это умение должно добываться и проявляться за пределами политики и государственного дела, в предварительных жизненных упражнениях, протекающих в иных сферах. Эти предварительные упражнения должны быть перенесены в сферу негосударственной культуры: в кооперацию, в образовательные клубы, в спорт, в торговые компании, в мелкую земскую единицу, и особенно в церковную жизнь и в профессиональные союзы. Туда же должна быть отведена и борьба честолюбий, с которыми церковь, может быть, будет бороться особенно успешно. Вокруг государственного дела должна быть создана особая атмосфера, которую можно было бы описать так: *никаких преград* кроме требования качества; всем открыто, всем доступно, кто способен; но самое дело столь трудно и реальная ответственность, связанная с ним, так велика, что за это бремя *небезопасно братья* и его надо *скорее страшиться, чем добиваться*. Итак: строгость качественного отбора и повышение реальной ответственности — вот два оздоровляющих требования для политики. С политикой должна быть связана идея стажа. Размеры этого стажа будут немедленно после революции, вероятно, довольно элементарны: однако с течением времени они должны быть крепко повышены и удержаны на высоком уровне. С политикой должна быть связана *идея ранга*. Большевицкая революция сделала все, чтобы скомпрометировать отбор *худших*, реально осуществляя его в течение 20 лет. Она сделала все, чтобы вызвать в массе чувство *верного ранга*, чтобы заставить массу хотеть его, чуют его и искать надлежащих людей. Правление авантюриста, честолюбца, жадника, взяточника, доносчика, хама, садиста и рецидивиста изведаны русским народом жизненно и до конца. Россия захочет верного ранга. Верный же ранг определяется не сословием, не богатством и даже не образованием, но способностью души верно и жертвенно служить, вести волею,

чують жизненную справедливость, творчески организовывать. России нужны на всех поприщах *предметные политики*. И надо надеяться, что пробуждение и укрепление христианского чувства поможет этому сортированию и выделению людей *по предметности* их сердца и воли. Бремя, возложенное русскому народу на глаза, исторически беспримерно; он промоет свои глаза и прозрит*⁰.

Государственная форма должна помочь ему *осуществить* свое видение и выделить лучших. Обычная, формальная избирательная процедура этому требованию не удовлетворит и проблему не разрешит, ибо она отыскивает по принципу *личной заинтересованности* людей, *выгодных* и *угодных* массе, а не людей, *ценных* и *необходимых государству* и народу в целом. Она предоставляет гражданину голосовать из его собственного, в нем самом заключенного жадника и подлеца; к этому жаднику и подлецу обращаются демагоги с подходящими аргументами, карьерист апеллирует к деморализованному избирателю и конец венчает дело самым малодостойным образом.

Я думаю, что в России придется обратиться к новой системе выборов, в которой самый способ избрания будет обращаться к благородно-гражданственным сторонам участвующих в избрании людей.

Ввиду этого активное избирательное право не может быть всеобщим. Оно должно быть связано с известным стажем и рангом, критерии коего должны быть, с одной стороны, отрицательными (непорочность уголовная, политическая, по суду чести), с другой стороны, положительными — возрастная стаж (не моложе 30 лет); образовательный минимум; известный срок общественного (неполитического) стажа; наличность известной хозяйственной или общественной премириванности; орденское отличие; или же простая корпоративная рекомендация, проведенная с повышенным кворумом (предоставление всем зарегистрированным корпорациям права выдвигать лучших людей в государственные избиратели, без права отвода сверху).

Имущественный ценз не должен иметь решающего значения по соображениям предметности и социальной

справедливости. Вопрос мужского и женского пола тоже должен быть снят. Вопрос вероисповедный и национальный должны быть учтены на местах в смысле процентной квоты, дабы ни одно вероисповедание и ни одна национальность не имели оснований жаловаться на засилие других.

В этих пределах активное избирательное право должно быть равным (один человек — один голос) по соотношениям предметности и социальной справедливости.

Выборы должны быть двустепенными, во-первых, для того, чтобы сосредоточить и усилить предметный отбор в избирательной коллегии первой ступени, которая должна иметь возможность изыскивать людей с повышенной и реальной квалификацией; во-вторых, для того, чтобы сократить демагогию; в-третьих, для того, чтобы придать особый вес заключительной процедуре, о коей ниже.

Голосование есть не только право, но и обязанность. Можно не принять права голоса, но, имея его, голосовать необходимо под страхом санкции. Абсентеизм¹¹ не предоставлен произволу избирателей.

Выборы в обеих инстанциях должны быть не тайными, а открытыми, за подписью. Всякое давление на избирателей сверху или снизу, в порядке подкупа или угрозы — уголовно наказуемо. Избирательный бюллетень должен быть непременно письменным и обоснованным, с указанием на достоинства избираемого лица. Бюллетени протоколируются, переплетаются и подлежат по окончании выборов напечатанию во всеобщее сведение. Голосующий необоснованно, продажно, криво или лукаво должен быть уверен с самого начала, что его поступок будет вынесен на суд общей гласности.

При выборах в избирательных коллегиях пассивное право должно быть связано с повышенным стажем (во всех отношениях).

Заключительная избирательная стадия должна протекать так. В каждом наместничестве наместник назначает полный состав членов государственной палаты по своему усмотрению, как из лиц, входящих в избирательную коллегию, так и из других; из этих лиц избирательная коллегия избирает от себя *половину*, утверждая и скрепляя назначение избранием. Избирательная же коллегия

выбирает помимо того от себя тоже полный состав членов палаты, но непременно из среды самих избирателей. Наместник обязан половину из них утвердить, отводя другую половину и подтверждая акты избрания своим утверждением.

Отсюда возникает соревнование между правительством и избирательной коллегией: обе стороны соревнуют в создании наитруднейше опорочиваемого другой инстанцией списка кандидатов. Это побуждает избирателей и наместника выбирать предметно, людей дела и служения; все уйдет в поиски объективно достойных, объективно убедительных кандидатов. Каждый кандидат проходит две инстанции, каждый получает две санкции. И таким образом разрыв государства на две стороны — власть и народ, — разрыв, углубляемый теорией и практикой народоправства, залечивается, сращивается, исчезает. Избирание перестает быть чисто арифметической игрой, прикрывающей лукавую, непредметную борьбу людей; тайна голосования отпадает и не укрывает ни интереса, ни обмана, ни продажности. Государственная форма ищет единства и солидарности: она побуждает и власть, и народ создавать единое общее дело и жить в атмосфере предметной политики, а не беспредметного политиканства.

Все это должно сопровождаться культивированием во всей стране, во всех отраслях жизни предметно-качественного ранга, выделяющего и венчающего достойных. Народу должно систематически внушать, что во всем есть лучше и хуже, объективно лучше и объективно хуже и что объективно лучшее премируется во всех отношениях — доходностью, отличием, уважаемостью и расширением публичных полномочий.

Особенное значение надо придать обновлению идеи политической партии и соответствующему регулированию партийной жизни.

Партия не может и не должна быть сговором частных лиц на предмет захвата государственной машины и эксплуатации ее в свою пользу.

1) Партии допускаются и регистрируются. Но не все партии. Регистрации подлежат только те, которые представляют программу, исходящую из идеи целого и на-

правленного ко благу целого. **НН** одна классовая или профессиональная партия не подлежит регистрации: ни крестьянская, ни рабочая, ни торгово-промышленная. Должен быть представлен план общенародной политики и общенародного хозяйства, план компетентно продуманный и серьезно обоснованный, рассчитывающий на сочувствие всех граждан; ибо партия от партии отличается пониманием общенародного блага, а не предпочтением одного социального класса другому.

2) Никакая партия как таковая не может и не должна рассчитывать на захват власти по большинству голосов. Напротив, партийная принадлежность должна скорее затруднять политическую карьеру, чем облегчать ее: ибо назначению на ответственный пост должен предшествовать обязательный выход из партии — не в смысле изменения воззрений, а в смысле полного освобождения от партийной дисциплины и партийного образа действий. Выдвигать лучших людей в качестве публичной рекомендации правительству могут *все* зарегистрированные корпорации, а не только партии. Народное представительство мыслится нам как творчески-инициативное и совещательное установление. И наконец, самая система выборов такова, что партийные люди всегда будут рисковать отводом сверху или снизу. И потому мажоритаризация избирательных коллегий или палаты утрачивает свой интерес: оно не ведет к власти, и это должно быть отчетливо оговорено в конституции. Вверх должно вести качество лица и его дел, предметность его воли, сила его духа, верность его совести; и не партиям дано распознавать, эти свойства людей.

'России нужен не партийный политик, а предметный. И только он сумеет собрать вокруг себя социальную силу, на которую он мог бы опереться.

По-видимому, эта новая социальная опора русской государственности будет постепенно отбираться из следующих кругов:

- 1) духовенство и верующие члены общин, прошедшие борьбу за веру и религию при большевиках;
- 2) союзы раненых и комбатантов¹²;
- 3) домовладельцы, получившие свои дома или отстоявшие их;

- 4) торговцы, немедленно получившие право торговать;
- 5) учителя и профессора некоммунистического толка;
- 6) орденски организуемая интеллигенция;
- 7) рабочие, перестрадавшие последствия классовой политики;
- 8) оседающее на местах крестьянство и казачество и
- 9) медленно слагающаяся буржуазия.

ПРОЕКТ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(черновая схема)

Содержание

- Раздел первый.* О Российском Государстве
Раздел второй. О вере и религии
Раздел третий. О правах и обязанностях российских граждан
Раздел четвертый. О законах
Раздел пятый. О Главе Российского Государства
Раздел шестой. О законодательных учреждениях Российского Государства
Раздел седьмой. О Земском Соборе
Раздел восьмой. О Государственном Совете
Раздел девятый. Совет Министров
Раздел десятый. Совет Старейшин
Раздел одиннадцатый. Сенат
Раздел двенадцатый. Высший Церковно-Исповедный Суд
Раздел тринадцатый. Высшие Советы при Главе Государства
Раздел четырнадцатый. Дума Национального Единения
Добавление к Основным Законам. Управление на местах в переходное время